

"При начале каменной Москвы..."

(Симбирск)

При начале каменной Москвы,
Зачинался тут наш грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич.
Он два царства покорил себе,
Астраханское, Казанское,
Казань город мимоходом взял,
Покорил царя с царицею.
Тут царь грозный похваляться стал:
«Еще кто б вывел изменушку
Из матушки каменной Москвы?»
Как возговорит Малюта-враг:
«В век не вывести изменушки
Из матушки каменной Москвы:
Твой изменник супротив тебя,
Пьет и ест с одного стола,
Парчу носит с одного плеча!»
Как возговорит наш грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич:
«Вы князья мои и бояре!
Вы подите во высок терем,
Во палаты мои царския,
Вы возьмите там царевича,
Совлеките золоту парчу,
Отведите во чисто поле
И предайте его злой смерти!»
Все бояре испугалися,
Друг за друга хоронилися;
Малый прячется за старого,
Старый прячется за малого.
Как один только Малюта-враг
Не пугается, не прячется:
Он идет в палаты царския,
Берет за руку царевича,

Совлекает золоту парчу,
И ведет его в чисто поле,
Где он хочет его зле казнить.

Как на ту пору боярин наш,
Князь Роман сударь Романович,
Он сидит, князь, во честнóм пиру,
Пьет и ест он — проклажается.
Прискакал к нему скорой посол:
«Ох ты гой еси, боярин наш,
Князь Роман сударь Романович!
Ты сидишь zde во честнóм пиру,
А того, сударь, не ведаешь:
Упадет звезда восточная,
И угаснет свечка белая,
Не станет у нас царевича, —
Враг Малюта его зле казнит».
Как возговорит боярин наш,
Князь Роман сударь Романович:
«Приведите клячу тощую,
Клячу тощую, водовозную!»

Приезжает во чисто поле,
Берет за ворот Скуратова:
«Ох ты гой еси, Малюта-враг!
Не за свой ты кус примаешься,
Этим кусом ты подавишься!»
Он берет с собой царевича
И отвозит его в свой терём.

Как на утрие наш грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Отдавал везде строгой приказ,
Чтобы все князья и бояре
Одевались в платье черное,
Собирались во большой собор,
Слушать утреннее пение,
Панихиду по царевиче.
Все бояре испугались,
В черно платье наряжались,

Во большой собор сбиралися.
Как один только боярин наш,
Князь Роман сударь Романович,
Надевал он платье цветное,
Приезжал он во большой собор,
Привел за руку царевича
И поставил на правой крылос.
Увидал его наш грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич:
«Ой ты гой еси, боярин мой,
Князь Роман, сударь, Романович!
Иль ты хочешь гнева царского,
Той опалы государевой?
Все князья мои и бояре
В черно платье наряжались,
Во большой собор сбиралися,
Слушать утреннее пение,
Панихиду по царевиче:
Только ты один, Романов князь,
Не послушал воли царския,
Наряжаешься во цветно платье!
Или ты того не ведаешь:
Упала звезда восточная,
И угасла свечка белая,
Не стало у нас царевича?»
Как возговорит боярин наш,
Князь Роман сударь Романович:
«Ох ты гой еси, наш грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич!
Прикажи не панихиду петь,
А заздравное молебствие:
Твой царевич еще цел и здрав!»

Как возговорит наш грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич:
«Ох ты гой еси, боярин мой,
Князь Роман сударь Романович!
Чем за верность наградить тебя?
Или мне тебе полцарства дать?»
Как возговорит Романов князь:

«Не из злата я служу тебе
И полцарства мне не надобно:
За мою ли службу верную
Мне предай в руки Скуратова!»

(Запис. П. И. Юрьевым)

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.

Это уже обратная переделка сочинения И. И. Дмитриева среди народа. — О.